

УДК 343.36
ББК 67.408.1

Е.А. МЕЛЬНИКОВ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ И СУБЪЕКТА

Ключевые слова: фальсификация доказательств, оперативно-разыскные мероприятия, превышение полномочий, объективная сторона преступления, преступления против правосудия, должностное лицо.

Пленумом Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» был дан ряд разъяснений относительно объективной стороны фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве (ч. 2 – ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации). Ряд этих разъяснений значительным образом корректирует подходы, которые до этого были распространены в правоприменительной практике. Некоторые дискуссионные вопросы Пленум Верховного суда Российской Федерации оставил без рассмотрения. По ним до настоящего времени отсутствует единство мнений в доктрине, в связи с чем формируется противоречивая правоприменительная практика. Разрешение отдельных вопросов (способ фальсификации, перечень субъектов преступления) потребует внесения редакционных изменений в законодательство.

Цель исследования – дать характеристику *de lege lata* и *de lege ferenda* объективной стороне и субъекту фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве (ч. 2 – ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации) с учетом существующих дискуссионных вопросов.

Материалы и методы. В качестве ключевого методологического подхода при исследовании применен формально-логический метод, позволивший соотнести нормы законодательства с их теоретическим толкованием у разных специалистов в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, а также разъяснениями Пленума Верховного суда Российской Федерации. Посредством диалектического подхода автором сделан ряд предложений *de lege ferenda* по совершенствованию диспозиции норм, содержащихся в ч. 2 – ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, автором были задействованы дискурсивный, текстуальный, междотраслевый и институциональный методы научного познания.

Результаты. Анализ положений Пленума Верховного суда Российской Федерации в постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» показал, что вопреки распространенному в доктрине мнению, уничтожение доказательств больше не рассматривается как один из способов их фальсификации. Соответствующее деяние в этой части может быть квалифицировано по нормам гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. В случае если фальсификация доказательств или результатов оперативно-разыскной деятельности совершена способом, который является самостоятельным преступлением, то требуется квалификация по совокупности преступлений. В частности, в объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, не входят действия должностных лиц, направленные на склонение лица к совершению преступления или применения к нему насилия. Указанные действия требуют самостоятельной квалификации по нормам гл. 30 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с позицией Пленума

Верховного суда Российской Федерации в случае, если сфальсифицированные доказательства представляются защитником или прокурором, то преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, считается оконченным с момента представления доказательств, а не с момента их приобщения к материалам уголовного дела лицом, в производстве которого оно находится. Данная позиция кардинально меняет взгляд, который существовал в доктрине и в правоприменительной практике на момент окончания рассматриваемого преступления. Фальсификация доказательств по двум различным уголовным делам не может рассматриваться как единое преступление, даже если действия по фальсификации доказательств были совершены с единым умыслом. В настоящее время круг субъектов фальсификации доказательств определен слишком узко. К субъектам данного преступления должны быть отнесены все участники уголовного судопроизводства, обладающие самостоятельным процессуальным интересом.

Выводы. Диспозиции норм, закрепленных в ч. 2 и ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, *de lege feranda* нуждаются в совершенствовании. Наряду с фальсификацией доказательств целесообразно включить в ч. 2 ст. 303 данного кодекса альтернативные деяния в виде их уничтожения, изъятия или сокрытия. Аналогичные изменения было бы целесообразно предусмотреть и в ч. 4 ст. 303. В качестве альтернативного общественно опасного деяния предусмотреть в ч. 2 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации умышленное утаивание следователем (дознавателем) информации, имеющей значения для уголовного дела. Перечень субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, предлагается дополнить подозреваемым (обвиняемым, подсудимым) и судьей. Стоит предусмотреть в ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации квалифицирующие признаки фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, аналогичные тем, которые закреплены в ч. 3 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Внесение указанных изменений позволит усовершенствовать механизм уголовно-правового обеспечения целей и задач уголовного судопроизводства.

Введение. Составы преступлений, предусмотренные ч. 2 – ч. 4 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ (далее – УК РФ), являются одной из мер уголовно-правового обеспечения целей и назначения уголовного судопроизводства. Они относятся к группе преступлений против правосудия, направленных на воспрепятствование осуществлению правосудия, и посягают на «динамику» процесса². Основным непосредственным объектом этих преступлений в широком смысле являются общественные отношения, характеризующие нормальный порядок осуществления правосудия. В частности, общественные отношения, характеризующие процессуальный порядок сбора и представления доказательств. «Строгое соблюдение процессуальной формы доказывания обеспечивает полноту, всесторонность и объективность исследования всех обстоятельств, имеющих значение для дела» [15. С. 36].

До настоящего времени в доктрине и правоприменительной практике нет единого мнения по отдельным признакам объективной стороны фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

² См.: Мельников Е.А. Методологические подходы к систематизации преступлений против правосудия // Право и управление. 2025. № 4. С. 216–222; Мельников Е.А. Процессуальный критерий систематизации преступления против правосудия: посягательства на статику и динамику процесса. Обоснование выбора критерия // Международный научный вестник. 2025. № 4. С. 145–153.

судопроизводстве. Пленумом Верховного суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) в постановлении от 28 июня 2022 г. № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»¹ был дан ряд разъяснений относительно объективной стороны фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве (ч. 2 – ч. 4 ст. 303 УК РФ). Ряд этих разъяснений (по моменту окончания преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, способу его совершения) значительным образом корректирует подходы, которые до этого были распространены в правоприменительной практике. Некоторые дискуссионные вопросы Пленум ВС РФ оставил без рассмотрения. По ним до настоящего времени отсутствует единство мнений в доктрине, в связи с чем формируется противоречивая правоприменительная практика. Отдельные вопросы (способ фальсификации, расширение перечня субъектов преступления) требуют внесения редакционных изменений в ст. 303 УК РФ.

Цель исследования состоит в том, чтобы дать характеристику *de lege lata* и *de lege ferenda* объективной стороне и субъекту фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве (ч. 2 – ч. 4 ст. 303 УК РФ) с учетом существующих дискуссионных вопросов.

Материалы и методы. В качестве ключевого методологического подхода при исследовании применен формально-логический метод, позволивший соотнести нормы законодательства с их теоретическим толкованием у разных специалистов в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, а также разъяснениями Пленума ВС РФ. Посредством диалектического подхода автором сделан ряд предложений *de lege ferenda* по совершенствованию диспозиции норм, содержащихся в ч. 2 – ч. 4 ст. 303 УК РФ. Кроме того, автором были задействованы дискурсивный, текстуальный, межотраслевой и институциональный методы научного познания.

Результаты исследования. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, заключается в фальсификации доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником.

Законодателем не конкретизирован способ, которым может быть совершена фальсификация доказательств.

В отдельных решениях ВС РФ встречаются указания на то, что под фальсификацией доказательств следует понимать, в том числе, их уничтожение, сокрытие либо изъятие из материалов уголовного дела².

Многие специалисты до разъяснений, данных Пленумом ВС РФ в Постановлении «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28.06.2022 № 20 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 19 июля 2006 г. по делу № 87-О06-18 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679797> (дата обращения: 11.07.2025).

о преступлениях против правосудия», также придерживались указанного мнения [1. С. 15; 4. С. 70; 7. С. 62].

В постановлении Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» содержится иная позиция: действия уполномоченных должностных лиц по уничтожению и (или) сокрытию приобщенных или подлежащих приобщению к уголовному делу предметов и документов, которые содержат сведения, имеющие доказательственное значение, состава фальсификации доказательств не образуют (п. 12).

Данная позиция *de lege lata* представляется верной. Фальсификация доказательств, совершенная следователем (дознавателем), подразумевает, что такие доказательства все же остаются в материалах уголовного дела, хотя и в искаженном виде [5. С. 228]. В настоящее время уничтожение, изъятие и сокрытие доказательств может быть квалифицировано при соответствующих обстоятельствах по ст. 286 УК РФ.

De lege ferenda стоит согласиться с предложением специалистов, которые предлагают наряду с фальсификацией доказательств включить в ч. 2 ст. 303 УК РФ альтернативные деяния в виде их уничтожения, изъятия или сокрытия [2. С. 18; 8. С. 34]. Аналогичные изменения было бы целесообразно предусмотреть и в ч. 4 ст. 303 УК РФ.

Также необходимо учитывать, что в ряде случаев, чтобы выполнить объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, следователь (дознаватель) должен предварительно изъять достоверное доказательство, подлежащее замене сфальсифицированным, из материалов уголовного дела. Строго формально такое деяние должно быть квалифицировано по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 286 УК РФ (в части изъятия) и по ч. 2 – ч. 3 ст. 303 УК РФ (в части включения в материалы уголовного дела сфальсифицированного доказательства), хотя в рассматриваемом случае квалификация по ст. 286 УК РФ представляется избыточной.

В случае, когда следователь принуждает лицо к даче заведомо ложных показаний, которые в последующем фиксирует в протоколе допроса, данное деяние следует квалифицировать не по ст. 303 УК РФ, а по ст. 302 УК РФ.

Иногда в целях искусственного создания доказательств какой-то предмет или документ может быть подброшен соответствующим должностным лицом. В результате совершения подобных действий «происходит формирование материальных носителей доказательственной информации, а именно того, что затем становится вещественными доказательствами» [12. С. 44]. Если подобные действия осуществлены в рамках производства оперативно-разыскных мероприятий лицами, уполномоченным на их проведение, то такие действия надлежит квалифицировать по ст. 286 УК РФ. Если сфальсифицированные результаты оперативно-разыскных мероприятий будут представлены в последующем следователю (дознавателю), то требуется дополнительная квалификация по ч. 4 ст. 303 УК РФ¹ (п. 15 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах

¹ Апелляционный приговор судебной коллегии по уголовным делам Новгородского областного суда от 3 июля 2015 г. по делу № 22-888/2015 [Электронный ресурс]. URL: xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/8039282/extended (дата обращения: 11.07.2025).

судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»). Если аналогичное деяние совершено следователем (дознавателем), то подобное деяние следует квалифицировать по ст. 286 УК РФ. Представляется, что подобные действия направлены на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу, в связи с чем они могли бы быть также отражены в ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Фальсификация доказательств может быть совершена только путем совершения активных действий (п. 12 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»). Позиция специалистов, которые считают, что к рассматриваемому преступлению может быть отнесен отказ следователя приобщить фактические данные, опровергающие те доказательства, которые есть в материалах уголовного дела, представляется не вполне обоснованной [13. С. 11]. Вместе с этим, по нашему мнению, деяние, связанное с умышленным утаиванием следователем (дознавателем) информации, имеющей значение для уголовного дела, так же как и фальсификация доказательств, направлено на воспрепятствование установлению истины по уголовному делу. Поэтому это альтернативное деяние вполне могло бы быть включено в ч. 2 ст. 312 УК РФ.

Преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 312 УК РФ, имеет формальный состав. Вместе с этим момент окончания преступления зависит от субъекта фальсификации доказательств и обстоятельств, при которых совершается данное деяние (например, создается ли доказательство, либо вносятся недостоверные сведения в уже имеющееся в материалах дела доказательство). Если фальсификация доказательств совершается следователем (дознавателем), то преступление окончено с момента приобщения в установленном порядке к уголовному делу в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов; внесении им в протоколы следственных действий заведомо ложных сведений; подделке ранее приобщенных к делу вещественных доказательств и документов.

Если фальсификация «доказательств» совершается защитником или прокурором, то преступление окончено с момента представления ими соответственно должностному лицу, органу, осуществляющему производство по уголовному делу, либо суду в качестве доказательств заведомо поддельных предметов и документов. Вопрос о приобщении таких поддельных предметов и документов к материалам дела в качестве доказательств лицом, в производстве которого находится дело, в данном случае находится за рамками объективной стороны рассматриваемого состава преступления.

В обоих случаях на квалификацию деяния не влияет, будут ли сфальсифицированные доказательства в последующем использоваться при расследовании и разрешении уголовного дела, либо окажут ли они какое-то иное влияние на ход уголовного судопроизводства¹.

¹ Кассационное определение Верховного суда Российской Федерации от 24 декабря 2009 г. № 11-О09-137 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы СПС «КонсультантПлюс».

На практике возникает вопрос, как квалифицировать фальсификацию сразу нескольких доказательств по одному и тому же уголовному делу в случаях, когда такая фальсификация охвачена единым умыслом. Представляется правильным в подобной ситуации такую множественность фальсификаций доказательств по уголовному делу рассматривать как одно единое преступление, а не квалифицировать как самостоятельное преступление в отдельности каждый факт фальсификации доказательства¹.

В одном из решений ВС РФ единым преступлением была признана фальсификация доказательств сразу по двум уголовным делам (не связанным между собой). Как было установлено судом, указанные действия обвиняемый совершил с единой целью – передать оконченные дела и уйти в отпуск. В связи с этим ВС РФ квалифицировал данные деяния как единое продолжаемое преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ².

Подобный подход представляется не бесспорным. В данном случае обвиняемый осуществил действия, направленные на воспрепятствование установлению истины сразу по двум уголовным делам. Таким образом, каждый факт фальсификации нанес вред объекту уголовно-правовой охраны, т.е. посягательство на объект в рассматриваемом случае было совершено дважды. Ввиду этого в данном случае имеет место совокупность двух преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Также возникает вопрос о возможности совершения преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ до того, как уголовное дело было возбуждено. В ст. 144 УПК РФ³ установлен значительный перечень следственных действий, которые могут быть совершены следователем (дознавателем) в ходе проверки сообщения о преступлении – до возбуждения уголовного дела. Полученные в ходе проведения таких следственных действий сведения могут быть в последующем использованы в качестве доказательств без каких-либо дополнительных действий со стороны следователя (дознавателя) и ограничений. Единственное изъятие, которое установлено УПК РФ, касается экспертизы – «если после возбуждения уголовного дела стороной защиты или потерпевшим будет заявлено ходатайство о производстве дополнительной либо повторной судебной экспертизы, то такое ходатайство подлежит удовлетворению» (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ).

Очевидно, что подобные действия посягают на тот же основной непосредственный объект, что и деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 303 УК РФ. Вместе с этим фальсификация доказательств, совершенная следователем (дознавателем) на этапе доследственной проверки, в настоящее время может быть квалифицирована по нормам гл. 30 УК РФ.

В ч. 3 ст. 303 УК РФ закреплены два альтернативных общественно-опасных деяния. Первое из них заключается в фальсификации доказательств

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 29 октября 2014 г. по делу № 10-13728 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы СПС «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного СУДА Российской Федерации от 13 сентября 2007 г. по делу № 47-007-46 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы СПС «КонсультантПлюс».

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении; второе – в фальсификации доказательств, повлекшей тяжкие последствия.

Первый состав преступления является формальным, второй – материальным.

В практической плоскости это означает, что в первом случае не имеет значения дальнейшая судьба сфальсифицированного доказательства после его приобщения следователем (дознавателем) к материалам уголовного дела, либо представления уполномоченному должностному лицу (органу) прокурором или защитником: будет ли оно признано в последующем недействительным, будет ли оно в принципе приобщено к материалам уголовного дела (в случае его представления защитником или прокурором) и окажет ли оно какое-то влияние на принятие какого-либо процессуального решения по делу.

Во втором случае фальсификация доказательств и наступившие тяжкие последствия должны находиться в причинно-следственной связи. Поэтому, например, если обвиняемый был осужден за совершение преступления на основе совокупности других доказательств по делу, а сфальсифицированное доказательство не оказало влияния на квалификацию и размер наказания, то квалифицированный состав преступления «фальсификация доказательств, повлекшая тяжкие последствия» будет отсутствовать. Деяние может быть квалифицировано лишь по ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Примеры возможных тяжких последствий фальсификации доказательств приведены в п. 14 Постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». К ним, в частности, относятся привлечение к уголовной ответственности невиновного в совершении преступления лица, заключение его под стражу, причинение значимого для индивидуального предпринимателя либо коммерческой организации материального ущерба, влекущего прекращение осуществляемой ими предпринимательской деятельности, либо доведение индивидуального предпринимателя или соответствующей организации до состояния неплатежеспособности по имеющимся обязательствам.

Данный перечень является открытым. Например, к таким последствиям может быть отнесено осуждение хотя и виновного лица, но к существенно более строгому наказанию, чем это было бы при оценке подлинных доказательств, самоубийство незаконно осужденного, его близких, разорение и банкротство физического лица и т.д.¹ Возможно, в качестве таких последствий можно рассмотреть и оправдание виновного по уголовному делу о тяжком или особо тяжком преступлении.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, раскрыта в п. 15 постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия». Так, под фальсификацией результатов оперативно-разыскных мероприятий понимается «умышленное внесение уполномоченным должностным лицом

¹ Определение Московского городского суда от 29 октября 2014 г. по делу № 10-13726 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, заведомо недостоверных сведений о результатах оперативно-разыскной деятельности, в том числе о проведении или непроведении того или иного оперативно-разыскного мероприятия, его участниках, сроке и порядке осуществления, выявленных признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, представление указанным органам в качестве объектов, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, поддельных носителей информации или иных предметов», при условии, что такое деяние совершено с одной из целей, указанной в ч. 4 ст. 303 УК РФ [10].

В объективную сторону фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности не входят действия должностных лиц, направленные на склонение лица к совершению преступления или применение к нему насилия. Такие действия требуют самостоятельной квалификации по ст. 286 УК РФ [3].

Существенным недостатком рассматриваемой нормы является указание на специальные цели фальсификации результатов оперативно-разыскных мероприятий. С одной стороны, это существенным образом ограничивает применение ч. 4 ст. 303 УК РФ, с другой – возникают вопросы о размещении данного состава преступления в гл. 31 УК РФ – в тех случаях, когда деяние совершается в целях причинения вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Представляется, что указанные недостатки связаны с предысторией введения данного состава преступления в УК РФ Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Можно предположить, что данный состав преступления был введен в УК РФ исключительно в целях защиты предпринимателей от использования их конкурентами правоохранительных органов в разрешении гражданско-правовых споров. В частности, отмечалось, что введение ч. 4 ст. 303 УК РФ позволит сократить количество случаев фальсификации доказательств по экономическим делам со стороны органов внутренних дел [14]. Это также объясняет, почему среди целей фальсификации результатов оперативно-разыскных мероприятий не указана цель незаконного освобождения от уголовной ответственности, либо иных целей, связанных с вмешательством в осуществление правосудия.

Стоит отметить, что для деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, законодатель не ввел квалифицирующие признаки, аналогичные тем, которые содержатся в ч. 3 ст. 303 УК РФ. Подобное решение представляется не вполне обоснованным.

Вопрос о круге субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, является неоднозначным. Мы опустим случаи, когда руководитель следственного органа или начальник подразделения дознания могут принять

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Фед. закон от 29.11.2012 № 207-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

дело к своему производству и произвести предварительное расследование в полном объеме. В данном случае указанные должностные лица, по нашему мнению, являются субъектами преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, без каких-либо дополнительных оговорок.

В подавляющем большинстве случаев специалисты считают, что круг субъектов рассматриваемого преступления исчерпывающим образом определен в ч. 2 ст. 303 УК РФ: лицо, производящее дознание, следователь, прокурор или защитник [6].

Подобный подход корреспондирует содержанию ст. 86 УПК РФ, в которой определен перечень субъектов доказывания. Однако деятельность защитника по собиранию доказательств с уголовно-процессуальной точки зрения не отличается от аналогичной деятельности подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Защитник, так же как и все указанные субъекты, собирает и представляет письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Сказанное справедливо и в отношении прокурора, который, как и защитник, не является субъектом собирания доказательств ни на одной из стадий уголовного судопроизводства.

Поэтому невключение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей в перечень субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, представляется не вполне обоснованным.

Необходимо подчеркнуть, что включение в перечень субъектов рассматриваемого преступления подозреваемого (обвиняемого) корреспондирует позиции Конституционного суда Российской Федерации, что данная категория лиц может защищаться только теми способами, которые не противоречат закону¹.

Кроме того, в УПК РФ предусмотрены случаи, когда уполномоченные должностные лица могут совершать отдельные следственные действия по сбору и проверке доказательств без принятия дела к своему производству, в частности, руководитель следственного органа (п. 4 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), следователь-криминалист (п. 40.1 ст. 5 УПК РФ). Отдельные следственные действия без принятия дела к своему производству могут провести следователь (дознатель), например, в рамках исполнения поручения следователя, в производстве которого находится дело (ч. 1 ст. 152 УПК РФ). Очевидно, что указанные должностные лица в данном случае также могут выступать субъектами фальсификации доказательств.

Доказательства могут быть сфальсифицированы и в ходе проверки материалов уголовного дела руководителем следственного органа, начальником подразделения дознания [16. С. 65]. В этом случае данные лица не могут рассматриваться как субъект фальсификации доказательств. Они не реализуют

¹ Определение Конституционного суда Российской Федерации от 4 апреля 2013 г. № 661-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шагиева Нурыхмата Нурыхановича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 306 Уголовного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы КонсультантПлюс.

каких-либо процессуальных полномочий, связанных с собиранием доказательств, а используют лишь физический доступ к материалам уголовного дела в целях их фабрикации. В данном случае их действия не будут отличаться от аналогичных действий помощников судей, секретарей суда и других лиц, имеющих доступ к материалам дела, ввиду чего должны рассматриваться как обычный служебный подлог (ст. 292 УК РФ).

Можно также согласиться с мнением, что к субъектам рассматриваемого преступления необоснованно не отнесен судья, в производстве которого находится уголовное дело или материалы уголовного дела [9. С. 16]. Суд, в отличие от вышеперечисленных лиц, отнесен УПК РФ к числу субъектов собирания доказательств (ст. 86 УПК РФ). Фальсификация доказательств судьей не всегда может быть связана с последующим вынесением им заведомо неправосудного судебного постановления (ст. 305 УК РФ), а в тех случаях, когда такая связь установлена, должна иметь место совокупность преступлений. Это соответствует подходу ВС РФ, когда на основании сфальсифицированных доказательств следователь (дознаватель) привлекает заведомо невиновного к уголовной ответственности, либо умышленно незаконно освобождает от уголовной ответственности лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении преступления (п. 16 постановления Пленума ВС РФ «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»).

В связи с обозначенными вопросами в доктрине можно встретить мнение о необходимости расширения перечня субъектов преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, включив в него потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, эксперта, специалиста и иное лицо, которые могут иметь фактическое влияние на процесс доказывания [11].

С этой точкой зрения можно согласиться лишь частично. Представляется, что субъектом преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, может являться лишь лицо, обладающее самостоятельным процессуальным интересом. Ни эксперт, ни специалист, ни свидетель, ни переводчик к таким лицам отнесены быть не могут. Именно поэтому для этих лиц предусмотрена специальная норма, в которой предусмотрена ответственность за заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод (ст. 307 УК РФ).

С учетом сказанного считаем, что к субъекту преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 303 УК РФ, следует отнести судью, в производстве которого находится дело или материалы дела, а также любого участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения или защиты, обладающего полномочиями по собиранию доказательств, либо по собиранию и представлению письменных документов и предметов для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств.

Все сказанное относится также и к субъекту преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Выводы. Наряду с фальсификацией доказательств целесообразно включить в ч. 2 ст. 303 УК РФ альтернативные деяния в виде их уничтожения, изъятия или сокрытия. Аналогичные изменения в этом случае должны быть внесены и в ч. 4 ст. 303 УК РФ. Кроме того, в качестве альтернативного общественно опасного

деяния необходимо предусмотреть в ч. 2 ст. 303 УК РФ умышленное утаивание следователем (дознавателем) информации, имеющей значение для уголовного дела.

Фальсификацию ряда доказательств по одному и тому же уголовному делу, когда она охвачена единым умыслом, следует рассматривать как единое преступление. Однако фальсификацию доказательств по нескольким уголовным делам, когда она также охвачена единым умыслом, правильно квалифицировать как совокупность преступлений.

Фальсификация доказательств, которая совершена следователем (дознавателем) на этапе доследственной проверки, не может быть квалифицирована по ст. 303 УК РФ. Указанное деяние в зависимости от обстоятельств может быть квалифицировано по нормам гл. 30 УК РФ.

Представляется правильным расширить круг субъектов фальсификации доказательств в уголовном судопроизводстве, включив в него подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) и судью.

Целесообразно предусмотреть в ст. 303 УК РФ квалифицирующие признаки фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, аналогичные тем, которые закреплены в ч. 3 ст. 303 УК РФ.

Литература

1. *Архипова К.А., Фабрика Т.А.* К вопросу о проблемах объективной стороны, возникающих в регламентации норм об ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу // *Юридический факт.* 2021. № 153. С. 14–16.
2. *Благодарь И.С.* Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.
3. *Борков В.Н.* Квалификация фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности, сопряженной с другими преступлениями // *Уголовное право.* 2023. № 8. С. 3–8.
4. *Быкова Е.Г., Казаков А.А.* Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьей 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. М.: Норма, 2022. 152 с.
5. *Дворянсков И.В.* Преступления, нарушающие процессуальный порядок доказательств // *Черные дыры в российском законодательстве.* 2003. № 3. С. 226–245.
6. *Кибальник А., Майборода В.* Фальсификация доказательств: уголовная ответственность // *Законность.* 2009. № 1. С. 14–17.
7. *Климова Ю.Н.* Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // *Вестник Владимирского юридического института.* 2020. № 2. С. 58–66.
8. *Лобанова Л., Рожнов А., Синельников А.* Фальсификация доказательств по уголовному делу: вопросы квалификации и недостатки правовой регламентации // *Уголовное право.* 2012. № 6. С. 28–34.
9. *Лопатин К.Г.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. 24 с.
10. *Макаров А.В., Страмилова Т.П., Фирсов О.В.* Особенности квалификации фальсификации результатов оперативно-разыскной деятельности // *Российский следователь.* 2023. № 1. С. 57–61.
11. *Макаренко И.А.* Некоторые способы фальсификации доказательств на предварительном следствии // *Российский следователь.* 2018. № 2. С. 17–20.
12. *Метельский П.С.* Фальсификация доказательств по уголовному делу: трудности квалификации // *Уголовный процесс.* 2012. № 9. С. 42–47.
13. *Сверчков В.* Фальсификация доказательств // *Законность.* 2001. № 11. С. 11–13.
14. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств распространена на оперативников [Электронный ресурс]. URL: https://www.klerk.ru/law/news/300670/?srsltid=AfmBOoqdG1k2XkFNUw7QPCo-pfY8woNoXiZ6xhJA0t_eqWDA8you_YQF (дата обращения: 11.07.2025).

15. Шепель Н.В. Теоретические аспекты процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2. С. 33–36.

16. Яшин А.В. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу как средство защиты участников уголовного судопроизводства // Закон и право. 2011. № 6. С. 64–66.

МЕЛЬНИКОВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований высшей школы государственного аудита, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (evgmelnikov.1985@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0792-5667>).

Eugeniy A. MELNIKOV

FALSIFICATION OF THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONTROVERSIAL ISSUES OF CHARACTERIZING THE OBJECTIVE ASPECT AND THE SUBJECT

Key words: falsification of evidence, operational investigative measures, abuse of authority, objective aspect of the crime, crimes against justice, an official.

The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in its resolution №20 dated June 28, 2022 "On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes Against Justice" provided a number of clarifications regarding the objective aspect of falsifying the results of operational investigative activities and evidence in criminal proceedings (Part 2 – part 4 of art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation). A number of these clarifications significantly correct the approaches that were previously common in law enforcement practice. The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation left some controversial issues without consideration. There is still no unity of opinions in the doctrine, which is why contradictory law enforcement practice is being formed. Resolution of certain issues (the method of falsification, the list of perpetrators of the crime) will require making editorial changes to the legislation.

The purpose of the study is to characterize *de lege lata* and *de lege ferenda* to the objective aspect and the subject of falsification of the results of operational investigative activities and evidence in criminal proceedings (Part 2 – part 4 of art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation), taking into account existing controversial issues.

Materials and methods. The formal-logical method was used as a key methodological approach in the study, which made it possible to correlate the norms of the legislation with their theoretical interpretation by various specialists in the field of criminal and criminal procedure law, as well as explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Through a dialectical approach, the author made a number of proposals *de lege ferenda* to improve the disposition of the norms contained in Parts 2 – 4 of art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition, the author used discursive, textual, interdisciplinary and institutional methods of scientific cognition.

Results. The analysis of provisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Resolution № 20 dated June 28, 2022 "On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases of Crimes Against Justice" shows that, contrary to the opinion widely held in the doctrine, destruction of evidence is no longer considered as one of the ways to falsify it. The relevant act in this part may be qualified according to the norms of Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation. If falsification of evidence or the results of operational investigative activities is committed in a manner that makes it an independent crime, then qualification according to the totality of crimes is required. In particular, the objective aspect of the crime provided for in Part 4 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation does not include actions of officials aimed at inducing a person to commit a crime

or using violence against him. These actions require independent qualification according to the norms of Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation. In conformity with the position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, if falsified evidence is presented by a defense lawyer or prosecutor, the crime provided for in Part 2 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered completed from the moment the evidence is presented, and not from the moment of their filing in the criminal case materials by the person who examines it. This position radically changes the view that existed in doctrine and in law enforcement practice at the time of the end of the crime in question. Falsification of evidence in two different criminal cases cannot be considered as a single crime, even if the acts of falsification of evidence were committed with a single intent. Currently, the range of subjects of evidence falsification is defined in a too narrow way. The subjects of this crime should include all participants in criminal proceedings who have an independent procedural interest.

Conclusions. The dispositions of the norms stipulated in Parts 2 and 4 of art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, *de lege ferenda* need to be improved. Along with falsification of evidence, it is advisable to include alternative acts in Part 2 of Article 303 of this Code in the form of their destruction, seizure or concealment. It would be advisable to provide for similar changes in Part 4 of Article 303. As an alternative socially dangerous act, it is recommended to provide in Part 2 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation for deliberate concealment by the investigator (inquirer) of information relevant to the criminal case. The list of subjects of the crime provided for in Part 2 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed to be supplemented by the suspect (accused, defendant) and the judge. It is worth providing in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation qualifying signs of falsifying the results of operational investigative activities, similar to those stipulated in Part 3 of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. Introduction of these changes will make it possible to improve the mechanism of criminal law support for the goals and objectives of criminal proceedings.

References

1. Arkhipova K.A., Fabrika T.A. *K voprosu o problemakh ob"ektivnoi storony, voznikayushchikh v reglamentatsii norm ob otvetstvennosti za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugovolnomu delu* [On the issue of the problems of the objective side arising in the regulation of the norms on liability for falsification of evidence in a criminal case]. *Yuridicheskiy fakt*, 2021, no. 153, pp. 14–16.
2. Blagodar' I.S. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv: otvetstvennost' i voprosy kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Falsification of evidence: responsibility and qualification issues. Abstract of Cand. Diss.]. Moscow, 2008, 22 p.
3. Borkov V.N. *Kvalifikatsiya fal'sifikatsii rezul'tatov operativno-razysknoi deyatel'nosti, sopryazhennoi s drugimi prestupleniyami* [Qualification of falsification of the results of operational investigative activities related to other crimes]. *Ugolovnoe pravo*, 2023, no. 8, pp. 3–8.
4. Bykova E.G., Kazakov A.A. *Osobennosti kvalifikatsii prestuplenii, predusmotrennykh stat'ei 303 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Features of the qualification of crimes provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow, Norma Publ., 2022, 152 p.
5. Dvoryanskov I.V. *Prestupleniya, narushayushchie protsessual'nyi poryadok dokazatel'stv* [Crimes violating the procedural order of evidence]. *Chernye dyry v rossiiskom zakonodatel'stve*, 2003, no. 3, pp. 226–245.
6. Kibal'nik A., Maiboroda V. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv: ugovonnaya otvetstvennost'* [Falsification of evidence: criminal liability]. *Zakonnost'*, 2009, no 1, pp. 14–17.
7. Klimova Yu.N. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po ugovolnomu delu: osobennosti ob"ektivnykh i sub"ektivnykh priznakov* [Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta*, 2020, no. 2, pp. 58–66.
8. Lobanova L., Rozhnov A., Sinelnikov A. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po ugovolnomu delu: voprosy kvalifikatsii i nedostatki pravovoi reglamentatsii* [Falsification of evidence in a criminal case: qualification issues and shortcomings of legal regulation]. *Ugolovnoe pravo*, 2012, no. 6, pp. 28–34.
9. Lopatin K.G. *Ugovonnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugovolnomu delu. Avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal liability for falsification of evidence in a criminal case. Abstract of Cand. Diss.]. Krasnoyarsk, 2006, 24 p.

10. Makarov A.V., Stramilova T.P., Firsov O.V. *Osobennosti kvalifikatsii fal'sifikatsii rezul'tatov operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [The specifics of the qualification of falsification of the results of operational investigative activities]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2023, no. 1, pp. 57–61.

11. Makarenko I.A. *Nekotorye sposoby fal'sifikatsii dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii* [Some ways of falsifying evidence during the preliminary investigation]. *Rossiiskii sledovatel'*, 2018, no. 2, pp. 17–20.

12. Metel'skii P.S. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po ugovnomu delu: trudnosti kvalifikatsii* [Falsification of evidence in a criminal case: qualification difficulties]. *Ugovnyi protsess*, 2012, no. 9, pp. 42–47.

13. Sverchkov V. *Fal'sifikatsiya dokazatel'stv* [Falsification of evidence]. *Zakonnost'*, 2001, no. 11, pp. 11–13.

14. *Ugovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv rasprostranena na operativnikov* [Criminal liability for falsification of evidence extended to operatives]. Available at: https://www.klerk.ru/law/news/300670/?srsltid=AfmBOoqdGik2XkFNUw7QPCo-pfY8woNoXiZ6xhjAOt_eqWDA-8you_YQF (Accessed Date: 2025, July 11).

15. Shepel' N.V. *Teoreticheskie aspekty protsessa dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve* [Theoretical aspects of evidence processes in criminal proceedings]. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2023, no. 2, pp. 33–36.

16. Yashin A.V. *Ugovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv po ugovnomu delu kak sredstvo zashchity uchastnikov ugovnogo sudoproizvodstva* [Criminal liability for falsification of evidence in a criminal case as a means of protecting participants in criminal proceedings]. *Zakon i pravo*, 2011, no. 6, pp. 64–66.

EUGENIY A. MELNIKOV – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit, Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow (evgmelnikov.1985@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-0792-5667>).

Формат цитирования: Мельников Е.А. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности и доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы характеристики объективной стороны и субъекта [Электронный ресурс] // *Oeconomia et Jus*. 2025. № 3. С. 96–109. URL: <http://oecomia-et-jus.ru/single/2025/3/9>. DOI: 10.47026/2499-9636-2025-3-96-109.